

Научная статья
УДК 101.1(314+316)
DOI: 10.18101/1994-0866-2026-1-39-46

Теоретические основания соборности в российском ценностном нарративе

© Сиденко Анастасия Алексеевна
аспирант,
Иркутский государственный университет
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
baginova.anastasya@yandex.ru

Аннотация. В работе проанализированы историко-философские основания соборности в ключевых текстах русской мысли XIX–XX вв. и выявлена ее роль в структурировании российского ценностного нарратива как механизма социальной сплоченности. Соборность рассматривается автором как укорененная в русской традиции черта мировоззрения. Обоснована мысль о том, что соборность в российской культуре выступает не просто историческим феноменом, а динамичным принципом, который и в современном российском ценностном нарративе способствует формированию коллективной общегосударственной идентичности, противостоящей индивидуалистическим тенденциям глобализации. Фундаментальность положения соборности в общероссийском культурном коде, ее значимость в мировоззрении нации актуализируют исследования по переосмыслению ее этических и социальных измерений для укрепления национального единства, такая историко-философская попытка предпринята в проведенном исследовании. Вызовы современности и новые риски внешнеполитической картины обусловили определение текущего года Годом народного единства, концептуальной основой которого являются содержательные принципы соборности.

Ключевые слова: соборность, концепт соборности, соборный идеал, национальная идентичность, цивилизационная идентичность, национальное единство, духовные ценности, традиционные ценности, историческая миссия, евразийство, кризис духовных ценностей.

Для цитирования

Сиденко А. А. Историко-философские основания соборности в российском ценностном нарративе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 1. С. 39–46.

Введение. В условиях современной глобальной турбулентности и навязывания универсалистских социально-политических моделей для России представляется жизненно важным осознать и отстоять собственные основания бытия. Поиск уникального пути развития и постоянное отстаивание своих интересов как мировой державы обуславливают необходимость философского осмысления духовно-мировоззренческих основ, обеспечивающих историческую преемственность и цивилизационную идентичность России в условиях глобальных вызовов.

В связи с этим концепция соборности приобретает особую актуальность и вызывает огромный исследовательский интерес. Это обусловлено ее потенциалом служить подлинной философской основой для понимания уникальных черт российской цивилизации, а также ее способностью предложить решения для кризисов различного масштаба.

Объекты и методы исследования. Объектом проведенного исследования выступала историко-философская и социально-политическая динамика концепта соборности в российском интеллектуальном пространстве и ценностном нарративе. Также использован комплекс методов, характерный для междисциплинарного исследования: историко-философская реконструкция, сравнительный метод, герменевтический анализ, контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение. Идея об особенном, мессианском, пути России красной нитью проходит сквозь всю отечественную историко-философскую мысль. Этот путь осмысливался не как эгоистичное превосходство, а как высокая ответственность и жертвенное служение, вытекающие из самого характера соборного единства. Если Запад строил общество на договоре и рациональном расчете, то Россия, согласно этой логике, призвана явить миру иной идеал — духовной общности и братства, основанного на взаимной любви и жертве. Таким образом, соборность становится не только способом организации общества, но и метафизическим оправданием уникальной исторической миссии России, придавая ее пути характер не политического проекта, а религиозно-нравственного долга. Вызовы XXI века — глобальная нестабильность в социально-политической сфере, кризис духовных ценностей, экзистенциальная разобщенность индивида — как никогда ранее обуславливают необходимость обращения к этому национальному наследию не как к ностальгическому жесту, а как к насущной интеллектуальной и практической задаче.

Вопросы культурной самоидентификации являлись одними из ключевых для отечественной мысли на протяжении долгих лет, выступая как источником острых споров, так и основой для созидания масштабных мировоззренческих систем, которые в той или иной мере становились «голосом эпохи» — способом ее самопознания и ответом на исторический вызов [7]. Каждая такая система — от споров западников и славянофилов до философии всеединства и евразийства — предлагала свой метафизический ключ к пониманию «русской идеи», стремилась осмыслить прошлое и спроектировать будущее нации. Таким образом, соборность как философская идея стала ответом на эсхатологический вызов историческому пути России.

Концепт соборности возникает в философии А. С. Хомякова как ответ на суровый чаадаевский диагноз об «историческом сиротстве» России. Стремясь опровергнуть тезис о «внемирности» и отсталости России, Хомяков совершил философское открытие: он перенес вопрос из плоскости исторических достижений в плоскость онтологического качества связи между людьми [10]. Любовь, свобода, истина, вера, нравственность и единство — основа, на которой, согласно Хомякову, строится «идеальный собор» [3, с. 86]. Соборность представляется как

теологический принцип, выведенный из природы Церкви и сознательно перенесенный Хомяковым на социальное и национальное бытие, и как единственно верный путь развития российской цивилизации. Для Хомякова соборность — не просто церковный догмат, а принцип бытия, который в его неискаженном виде сохранил именно русское православие в отличие от рационализованного католичества и индивидуалистского протестантизма [10]. Следовательно, историческая «отсталость» России — не свидетельство ее неполноценности, а духовный выбор для сохранения истинного единства, утраченного Западом. Таким образом, «неразвитость» совершает парадоксальную инверсию и из признака слабости становится знаком силы и обретает историческую осмысленность. Соборность стала не просто понятием, а метафизическим аргументом в великом споре о русской идентичности, начатом Чаадаевым, и стала краеугольным камнем в фундаменте идеи об особом пути России.

Дальнейшая судьба концепта стала историей его осмысления как метафизического принципа и одновременно идеологического инструментария. В философии В. С. Соловьева идея соборности отрывается исключительно от церковного ее контекста и распространяется на все мироздание. Здесь соборность перестает быть чертой национального характера и обретает четкую мессианскую роль — синтезировать восточную и западную цивилизации и стать проводником в процессе воссоединения человечества с абсолютным началом [9].

Концепт соборности эволюционирует от характеристики исключительно человеческой общности и становится законом бытия, универсальным законом всеединства, что превращает его из национального идеала в абстрактно-философский проект. Этот шаг, с одной стороны, придал концепции соборности философскую глубину, а с другой — отдалил ее от первоначальной идеи Хомякова, основанной на свободе воли и национальном самосознании.

В философии Н. А. Бердяева концепция соборности претерпевает принципиальную смысловую трансформацию — он переосмысливает ее с позиции своих антропологических и экклезиологических взглядов, перенося фокус с теологического и социального контекста на внутренний мир и творческую свободу человеческой личности [1]. Соборность у Бердяева подвергается радикальной антропологизации и обретает эсхатологическую направленность. Для него соборность — это не заданная извне структура бытия, в которую должен встроиться человек, а, напротив, задача самого человеческого духа. Таким образом, соборность, по Бердяеву, становится не данностью, а ориентиром для творческого акта. Эсхатологический характер соборности (коммунотарность) у Бердяева лишается социально-политического контекста, позволяя отстроить ее от любых форм коллективизма. Если коллективизм претендует на построение идеального единства силой и принуждением, то соборность осуществима только в свободе и любви, а любые попытки навязать ее обречены на вырождение в тиранию.

Историческая практика XX в. с жестокой наглядностью продемонстрировала эту двойственность. Советский проект, отбросив религиозную оболочку, совершил грандиозную секуляризацию самой логики соборного сознания. Идея о создании

новой общности — советского народа, миф о монолитном единстве партии и масс, эсхатология коммунистического будущего — все это было мессианским нарративом, построенным на принудительной, идеологизированной соборности [8]. Таким образом, осуществилась наихудшая из бердяевских антиномий — потенциал соборного единства, оторванный от своей духовной и свободной основы, был использован для конструирования мощной идеологии государственного коллективизма, где жертва личностью во имя общего превратилась из добровольного служения в политическую норму. Советский период наглядно продемонстрировал реализацию критической антиномии, заложенной в концепте соборности, — потенциальная угроза трансформации свободного «собора» в тоталитарный «коллектив» перешла из области философского предостережения в историческую практику, что и составило суть ее кризиса в XX в. Однако говорить о полном разрушении основ соборности было бы некорректно. Ее глубинные структуры не были стерты, хотя и претерпели сложную метаморфозу, адаптируясь к новым историческим условиям [11]. И даже в эпоху наиболее радикальных трансформаций — будь то петровские реформы, советский коллективизм или либеральные эксперименты 1990-х, инерция соборного мышления проявляла себя как бессознательный культурный код — в стереотипах массового поведения, риторике взаимопомощи и как инструмент политической мобилизации в том числе. Именно эта устойчивость подготовила почву для глубокого кризиса идентичности в постсоветский период. Череда экономических, социальных и духовных кризисов, процессы глобализации и вестернизации, а также навязывание либерально-индивидуалистической парадигмы, чуждой культурному коду российского общества, закономерно углубили внутренний раскол. Несмотря на это, в российском обществе сохранилось фундаментальное, почти инстинктивное ощущение единства — в его культурно-историческом и экзистенциальном смысле. Это единство, сформированное общей судьбой, коллективной памятью и выстраданной солидарностью перед лицом внешних вызовов. Таким образом, кризисы XX и XXI вв. стали не концом, а закономерной трансформацией соборной парадигмы, подтвердившей ее удивительную жизнеспособность как глубинной матрицы российского самосознания.

Однако ключевой вопрос современности заключается в том, способно ли это стихийное единство трансформироваться в осозанный, свободный и творческий союз, то есть в соборность в ее высшем, метафизическом понимании. Соборный идеал в эпоху постмодерна не может строиться только на апелляции к прошлому, он требует нового синтеза.

Новый 2026 год, объявленный в России Годом народного единства, представляет уникальный исторический и социальный контекст для практического осмысления и актуализации философского концепта соборности. Как уже было сказано, обращение к этому национальному философскому наследию в нынешней геополитической и социокультурной ситуации представляется закономерным и необходимым. И ключевая роль в поиске новой системы ценностей, на наш взгляд, принадлежит творческому переосмыслению традиционных идеалов. Особую значимость соборность приобретает для формирования общероссийской

гражданской идентичности, способной интегрировать этническое, региональное и конфессиональное разнообразие в единый цивилизационный проект. При этом современное прочтение концепции должно избегать как архаизации, так и утопии, предлагая третий путь — творческое развитие традиции в ответ на вызовы современности. В этом свете концепт соборности предстает как фундаментальный интеллектуальный инструмент, который не просто предлагает общие призывы к единству, но и формирует глубокую метафизическую и этическую основу для его осмысления.

В связи с этим сам концепт соборности обретает несколько новое звучание. Для адекватного понимания возможностей соборности в современном политическом и социальном контекстах требуется рассмотрение ее евразийской интерпретации, наиболее полно систематизированной А. Г. Дугиным.

Евразийцы осуществили радикальный поворот в понимании соборности, переводя ее из сферы богословской и экзистенциальной рефлексии в плоскость геополитики и цивилизационного проекта. И как отмечал Н. А. Бердяев, несмотря на его содержательную критику евразийских воззрений, «евразийское направление обращено к реальной России и реальным в ней жизненным процессам» [2, с. 141]. Эта характеристика раскрывает ключевую причину устойчивого влияния евразийства в поиске современной идентичности. В учениях евразийцев принцип соборности выступает фундаментальной основой цивилизационной модели и ее политического выражения — «симфонической личности», приматом над которой является не индивидуальное «я», а сверхличное, соборное «Мы», которое воплощается во взаимном служении граждан государству и наоборот. В интерпретации Дугина соборность обретает геополитическое значение, трансформируясь из философской категории в стратегический концепт, доходя до логического предела своей политизации [4]. Она составляет каркас идеологии, претендующей на то, чтобы дать России глобальную миссию — возглавить консервативную революцию и построение многополярного мира [5]. Это делает его версию соборности одной из наиболее влиятельных и спорных в современном российском идейном поле, напрямую связывающей глубинные пласты национальной философии с актуальной политической практикой и геостратегическим мышлением. Соборность в современном геопространстве выступает в роли «опосредования эмпирической и трансцендентальной intersубъективности, обладающей условием возможности и значимости понимания и самопонимания» [6, с. 94].

Таким образом, евразийство, особенно в его неоевразийской версии, предлагает парадоксальный синтез: оно соединяет высокий метафизический идеал соборности с трезвым учетом реалий — географических, геополитических, этнокультурных. Именно эта двойственность делает евразийскую интерпретацию соборности столь востребованной в современных условиях, когда поиск духовных оснований нации смыкается с прагматикой государственного суверенитета и цивилизационного самоутверждения. Соборность здесь становится не только духовным идеалом, но и инструментом для «собираания» политического тела России-Евразии в эпоху глобальных вызовов.

Современный поиск формул единства часто выходит за рамки сугубо философского языка, находя выражение в публичной риторике и символических жестах. Яркой иллюстрацией этого процесса является реакция Президента России В. В. Путина на вопрос о символике единства в ходе прямой линии. Отвечая на реплику журналиста о том, какой шеврон он бы нашёл себе в День народного единства, Путин акцентировал внимание не на формальных различиях, а на глубинной основе сплочения: «[Бойцы] сражаются плечом к плечу, независимо от национальности, вероисповеданий и ценностей. У нас общие ценности. Вот что главное. Вот что нас объединяет. Общие ценности традиционные у всех народов Российской Федерации»¹. Эта формулировка, на наш взгляд, является прямой секуляризованной проекцией соборного идеала, где акцент смещается с церковного контекста на общность нравственных оснований как фундамент образа «Мы». Философская категория, таким образом, окончательно утверждается в качестве стержня официального ценностного нарратива, призванного ответить на вызовы исторического момента и обеспечить смысловую основу для национальной солидарности. По выражению О. Б. Истоминой, «имманентно принадлежащие субъекту свойства начинают характеризовать самого субъекта только в результате взаимодействия. Значимым показателем этнонациональной границы в этом смысле выступает оценка общих семантических зон межкультурного понимания» [6, с. 96], которая под воздействием соборного кода в России позитивно окрашена.

Официальный курс на укрепление единства, также подтвержденный словами Президента России В. В. Путина о том, что «власти будут делать все для укрепления единства», легитимирует данную модель как стержень государственной политики и помещает концепт соборности в самый центр современного ценностного и мобилизационного нарратива.

Заключение. Концепт соборности тесно вплетен в российскую ментальность и является не просто философской идеей, а глубинным структурным принципом, характеризующим восприятие мира, общества и личности. Рожденный как ответ на конкретный вызов, он прошел путь от теологической доктрины до концептуального ядра современного геополитического нарратива, каждый раз становясь интеллектуальным инструментом для выражения духа и тревог своего времени.

Таким образом, соборность демонстрирует удивительную жизнеспособность не как догма, а как гибкая парадигма. Ее можно оттеснить на периферию публичного дискурса, но ее архетипические установки: вера в высший смысл коллективного целого, ответственность перед общностью, интуиция органической, а не договорной связи — сохраняются в качестве мощного подспудного пласта национального самосознания, готового к новой актуализации в моменты кризиса. Именно эта неистребимая устойчивость делает соборность метафизическим ресурсом России, определяя не только способы ее прошлого самоописания, но и вектор будущего смыслопорождения в эпоху глобальных трансформаций.

¹ Прямая линия «Итоги года с Владимиром Путиным» от 19.12.2025 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/694528639a79472531842757?ysclid=mkcvcdlige661515418> (дата обращения: 15.01.2026).

Литература

1. Андросенко С. В. Соборность как антропологическая и экклезиологическая категория в трудах Н. А. Бердяева // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. № 40.
2. Бердяев Н. А. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 141–144.
3. Горелов А. А. А. С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Культура и общество. 2017. № 2. С. 86.
4. Дугин А. Г. Русская вещь: очерки национальной философии : в 2 томах. Москва : Арктогея-центр, 2001. Т. 1.
5. Исаева О. С. Модификация философских идей классического евразийства в творческом наследии А. Г. Дугина // Философская мысль. 2019. № 7.
6. Истомина О. Б. Этничность как коммуникативный ресурс // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 14. С. 93-97.
7. Лосский Н. О. История русской философии. Москва : Советский писатель, 1991. 480 с.
8. Сазонов Д. И. Коллективизм и соборность. Понимание общинной жизни в СССР в 1960-е годы. Психологический и социальные аспекты. URL: Sazonov.ru (дата обращения: 20.12.2025).
9. Соловьев В. С. Спор о справедливости: сочинения. Москва : ЭКСМО-Пресс, 1999. 864 с.
10. Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. Москва : Современник, 1988. 62 с.
11. Фролова С. М. Идея соборности и ее кризис в период советской действительности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 183–188. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-183-188.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026;
принята к публикации 10.03.2026.*

Theoretical Foundations of Sobornost in the Russian Value Narrative

Anastasiya A. Sidenko

Research Assistant,

Irkutsk State University

1 Karla Marksa St., Irkutsk 664025, Russia

baginova.anastasya@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the historical and philosophical foundations of sobornost (spiritual community) in key texts of Russian thought of the 19th and 20th centuries and identifies its role in structuring the Russian value narrative as a mechanism for social cohesion. We consider sobornost as a worldview feature rooted in Russian tradition, and substantiate the idea that sobornost in Russian culture is not only a historical phenomenon, but a dynamic principle that in the contemporary Russian value narrative contributes to the construction of a collective national identity that opposes the individualistic tendencies of globalization. The fundamental position of sobornost in the all-Russian cultural code and its significance in the national worldview requires the rethinking of its ethical and social dimensions to strengthen

national unity, we have made such a historical and philosophical attempt in this above study. Contemporary challenges and new risks in the foreign policy led to the designation of this year as the Year of National Unity, the conceptual foundation of which is the substantive principles of sobornost.

Keywords: sobornost (spiritual community), the concept of sobornost, ideal of spiritual community, national identity, civilizational identity, national unity, spiritual values, traditional values, historical mission, Eurasianism, crisis of spiritual values.

For citation

Sidenko A. Theoretical foundations of sobornost in the Russian value narrative. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2026; 1: 39–46 (In Russ.).

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.